

11/55.
27/

РАЗБОРЪ КРИТИКИ Д. КОРСАКОВА

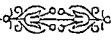
НА СОЧИНЕНІЕ

«ИСТОРІЯ РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ ПО ИСТОРИЧЕСКИМЪ
ПАМЯТНИКАМЪ И НАУЧНЫМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ»

И

УЯСНЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ НАУКИ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Соч. М. О. Кояловича

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1885

РАЗБОРЪ КРИТИКИ Д. КОРСАКОВА

НА СОЧИНЕНИЕ

«ИСТОРИЯ РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ ПО ИСТОРИЧЕСКИМЪ
ПАМЯТНИКАМЪ И НАУЧНЫМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ»

И

УЯСНЕНІЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНІЯ НАУКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Соч. М. О. Кояловича

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

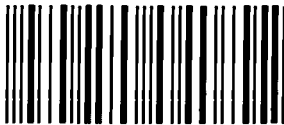
Типографія А. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1885

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 14 марта 1885 г.

2007110043

Бывали счастливыя времена въ наукѣ русской исторіи. Орлы водились въ этой области знаній. Кто не признаеть орлиныхъ взмаховъ и орлинаго зрѣнія въ трудахъ Курбскаго, Татищева, Ломоносова (даже въ его исторіи), Болтина, Карамзина, Погодина, Соловьева и цѣлой плеяды вождей такъ называемыхъ славянофиловъ?

Передъ сильнымъ зрѣніемъ орла, взлетающаго высоко надъ нашимъ прошедшимъ, равно открыты были и громадныя пространства этого прошедшаго, и мельчайшая частность, выражающая особенность русской жизни. Избиралъ орелъ какой-либо возвышенный пунктъ, съ котораго открывалось и больше пространства, и больше важныхъ сторонъ нашего прошедшаго, сближалъ къ себѣ русскихъ птенцовъ, и бодро шла большая, многоплодная работа по русской исторіи въ данномъ орломъ направленіи, пока другой орелъ не выбиралъ новаго пункта и не призывалъ птенцовъ работать дальше, въ новомъ направленіи.

Орлиныя работы подкрѣплялись еще слѣдующимъ образомъ. Кромѣ орловъ науки бываютъ еще кроты ея, — кроты настоящіе, глубокоземельные. Глубоко и далеко взрываютъ они книжное и рукописное подземелье русской исторіи и обладаютъ чутьемъ, точно ясновидѣніемъ,

гдѣ лежитъ лучшее сокровище и какъ правильнѣе докапываться до него? Не часто такіе кроты выносятъ наружу свою богатую и дорогую работу и рѣдко объявляются сами. Но когда вынесутъ ее и объявятся, то слетаются орлы и радостно разбираютъ вынесенное на свѣтъ божій кротами. Бываютъ даже превращенія, — орлы становятся кротами, кроты являются съ орлиною работою. Происходитъ счастливѣйшее явленіе въ русской исторіи, — объединеніе орлиной возвышенности мысли и знанія и кротовой глубины мысли и знанія.

Но бывали и бываютъ и инныя времена въ наукѣ русской исторіи. Улетали старые орлы въ такую даль, изъ которой уже никто не возвращается, а новые мощные орлы не обозначались, не являлись. Птенцы худали, расходились по распутіямъ, кормились чужою пищею, слабѣла и пропадала орлиная работа, наставало время и господство легкокрылой мелкоты и всякаго вздора. Бѣда пробиралась и въ подземелье кротовъ.

Кромѣ кротовъ науки, настоящихъ, глубокоземельныхъ бываютъ еще кроты мелкіе, поверхностные. Глубоко они не роются, а все у поверхности, работы крупной они не дѣлаютъ, а все малыми кучками. Но эти поверхностные кроты крайне легкомысленны и тщеславны, — все показываются на поверхности и покушаются на работу здѣсь. На поверхности кроты, разумѣется, ничего не могутъ видѣть, но они имѣютъ слухъ и очень острый. Легкокрылая мелкота научная, взявшая въ свои руки орлиную работу, и пользуется этимъ слухомъ, чтобы сбивать совсѣмъ съ толку поверхностныхъ кротовъ. Она своими указаніями путаетъ ихъ собственную неважную работу, направляетъ

на порчу работы настоящихъ кротовъ и, что еще хуже, вызываетъ поверхностныхъ кротовъ на общій, не свойственный и ей и имъ орлиный трудъ, напѣвая себѣ и имъ одно весьма важное, но и весьма обманчивое слово, — объективность!

Хорошее это, дорогое слово такъ же, какъ и слова: вѣротерпимость, свобода совѣсти, свобода личности. Но сколько людей даже при нашей русской вѣротерпимости, — лучшей изъ когда либо бывшихъ вѣротерпимостей, содержится, выражаясь словами Георгія Конисскаго, въ плѣненіи совѣсти, и содержится не то, что нами русскими, а нашими иновѣрцами на всѣхъ окраинахъ. Сколько людей насильственно воспитывается чистѣйшими язычниками по теоріи свободы совѣсти! Сколько людей, въ цивилизованнѣйшихъ странахъ міра, превращается въ совершенныхъ рабочихъ скотовъ по теоріи свободы личности и сколько ихъ свободнѣйшимъ образомъ умираетъ съ голоду на улицѣ среди многолюдства, роскоши и пресыщенія, и умираетъ такъ свободно, какъ не дадутъ умереть въ бѣднѣйшей, захлавленной нашей русской деревнѣ! Слѣдовательно нужно всегда зорко разбирать и вѣротерпимость, и свободу совѣсти, и свободу личности, и знать мѣру въ пониманіи и приложеніи ихъ.

То же нужно дѣлать и съ объективизмомъ, потому что и съ нимъ бываетъ такая же бѣда. Много онъ выдвинулъ самоотверженныхъ тружениковъ науки, даже страдальцевъ, и много внесъ въ нее добра, гдѣ могъ внести! Но рядомъ съ тѣмъ много онъ надѣлалъ и зла, особенно у насъ, въ русской исторіи. Онъ широко раскрьлъ ворота въ науку всякой умственной мелкотѣ. Не

можетъ мелкота создать ничего своего, ничего само-бытнаго, составить компиляцію, приладить къ ней ярлыкъ объективности, и пустить въ ходъ пустую работу. Сколько бездарностей у насъ выдвинулось этимъ путемъ даже въ знаменитости! Сколько нелѣпыхъ вещей, особенно занятыхъ у иностранцевъ, нанесено у насъ этимъ же путемъ въ науку русской исторіи и остается безъ критики! Стали разбирать объективно существеннѣйшую особенность жизни славянства и въ частности русскихъ,—подвигъ, доблесть, и, разумѣется, и подвигъ и доблесть исчезли въ этомъ разборѣ, потому что ни объективнаго подвига, ни объективной доблести не бываетъ,—это пелѣвость. Поникли передъ объективною знаменитѣйшіе люди нашей родины, поблѣднѣли блистательнѣйшія дѣла, получили и въ наукѣ русской исторіи гражданство лживость, тираннія, безнравственность. Если я смотрю объективно, то что мнѣ за дѣло до беззаконій однихъ и до мукъ другихъ? Я смотрю на результатъ, а въ результатѣ будетъ лишь умное или глупое, а того, что намъ дорого или гнусно въ прошедшемъ нашей родины, не будетъ, потому что это субъективная мѣрка моя или моихъ предковъ, слѣдовательно, негодная мѣрка; ея не одобритъ и не приметъ иностранецъ, а развѣ можно мѣрить русскія дѣла такою мѣркою, которой не одобрятъ и не примутъ иностранцы? Бѣгутъ отъ такой объективности лучшія русскія дарованія, бѣгутъ отъ русской исторіи туда, гдѣ объективность можетъ имѣть большее приложеніе, гдѣ она ведетъ къ раскрытію, уразумѣнію жизни, а не къ омраченію и убійству ея.

Двигатели объективности оказались въ кругу посредственности, оказались вынужденными ей покровитель-

ствовать. Но что еще хуже, объективность сдѣлалась удобнымъ, хорошимъ проводникомъ всякой иноземной теоріи, всякихъ заднихъ мыслей. Русскіе покровители объективизма оказались союзниками своихъ и чужихъ иноземцевъ, и за одно стали выдвигать выше и выше всяческую мелкоту и всяческій вздоръ.

Моимъ сочиненіемъ—Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ я сдѣлалъ, какъ умѣлъ, дѣло, которое давнымъ давно должно бы быть у насъ сдѣлано. Я заявилъ и легкокрылой мелкотѣ, и поверхностнымъ кротамъ, и всѣмъ вообще, а въ особенности будущимъ историкамъ Россіи: „не довѣряйте обманчивой объективности; въ исторіи ея меньше всего; въ исторіи почти все субъективно“. Я разобралъ существующіе у насъ субъективизмы и показалъ, что лучшій изъ нихъ—это такъ называемый славянофильскій субъективизмъ. Съ этой точки зрѣнія я перебралъ важнѣйшія литературныя явленія въ русской исторіи, какія успѣлъ облѣдовать настолько, чтобы ввести въ мою систему. При этомъ сама собою произошла сильная перестановка этихъ явленій. Передвинулись на новыя мѣста знаменитости, авторитеты, передвинулись или даже вылетѣли за бортъ разныя положенія, установленныя по теоріи мнимой объективности.

Разсердились на меня за это разные двигатели объективизма, особенно наши западники, наши русскіе иноземцы и ихъ легкокрылая мелкота. Начинаютъ злиться и поверхностные кроты, вообразившіе себя способными къ орлиной работѣ.

Въ моемъ разборѣ ¹⁾ критики К. Н. Бестужева-Рю-

¹⁾ Христіанское чтеніе за настоящій годъ, мѣсяцы мартъ—апрѣль, стр. 501—526. Есть и оттиски этой статьи.

мина на мое сочиненіе, я далъ отвѣтъ этому неожиданному покровителю обманчиваго объективизма. Теперь мнѣ приходится имѣть дѣло съ однимъ сердечнымъ союзникомъ легкокрылой мелкоты и поверхностныхъ кротовъ науки русской исторіи.

Въ мартовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ появилась критика на мое сочиненіе Д. Корсакова.

Я познакомлю читателей съ этимъ писателемъ. Въ трудахъ г. Корсакова представляется слѣдующее развитіе его дѣятельности. По указкѣ своихъ казанскихъ руководителей, особенно профессора Фирсова, занимающихся, какъ извѣстно, не мало инородческимъ населеніемъ восточной Россіи, г. Корсаковъ взялся обслѣдовать инородцевъ подальше отъ Казани, именно Мерю, и связанную съ нею исторію ростовскаго княжества. Работа вышла кропотливая,—собраны факты и изъ лѣтописей, и изъ разныхъ книгъ, извлечены нѣкоторые любопытные факты и изъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, сдѣлана даже попытка объяснить происхожденіе великорусскаго племени. Ни для исторіи Мери, ни для исторіи ростовскаго княжества, ни тѣмъ болѣе для исторіи происхожденія великорусскаго племени книга г. Корсакова не даетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ; но данныхъ въ ней не мало, работа кропотливая и имѣетъ цѣну. Обратилъ на нее вниманіе и я.

Затѣмъ, по указкѣ С. М. Соловьева, г. Корсаковъ взялся пересмотрѣть акты и извѣстія о вступленіи на престолъ Анны Ивановны. Работа опять вышла кропотливая и съ этой стороны не лишена значенія, особенно по вопросу о проектахъ такъ называемаго шляхетства (русскаго), о благоустройствѣ русской правительственной

среды. Но тутъ случилось и нѣчто не кропотливое. Г. Корсаковъ задумалъ этимъ трудомъ открыть новую страницу въ русской исторіи, примѣнительно къ западническому воззрѣніямъ г. Карновича, которыя, впрочемъ, проводилъ строго объективно, какъ значителенъ въ его предисловіи къ сочиненію: Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Покушеніе открывать новыя страницы въ русской исторіи оказалось неудачнымъ и даже чувствительно неудачнымъ. Я оставилъ въ сторонѣ покушенія г. Корсакова на открытія и ихъ послѣдствія, а далъ значеніе кропотливой работѣ.

Теперь г. Корсаковъ идетъ дальше, — берется уже прямо за орлиную работу и по поводу моей книги хочетъ повѣдать свое высшее воззрѣніе на все литературное движеніе въ наукѣ русской исторіи, — раскрываетъ уже не одну новую страницу, а одну за другой всѣ страницы всей книги русской исторіи. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ взываетъ при этомъ къ помощи прежнихъ орловъ науки; но, согласно требованіямъ европейской науки, обращается къ двумъ западно-европейскимъ орламъ, Дж. Ст. Миллю и Боклю, и къ одному русскому, — С. М. Соловьеву. Въ Казани, у предѣловъ Азіи, обаяніе Европы можетъ быть особенно сильно, а разочарованіе въ ея авторитетахъ можетъ запаздывать, поэтому неудивительно, что и Милль и даже Бокль еще сохраняютъ у г. Корсакова свою авторитетность во всей свѣжести и являются сильною подпорой для нашего русскаго орла — С. М. Соловьева. Я ждалъ, что здѣсь будетъ упомянуть, хотя-бы только для числового равновѣсія съ упомянутыми европейцами, кто-либо изъ тѣхъ нашихъ новѣйшихъ историковъ, которые, какъ увидимъ, по словамъ

г. Корсакова, изучаютъ и, конечно, передѣлываютъ русскую исторію заново,—я ждалъ, что будетъ упомянутъ здѣсь, напримѣръ, С. Н. Шубинскій. Но этого не сдѣлано, не знаю почему, по объективной ли трудности этого дѣла, или по субъективной боязни г. Корсакова вызвать мѣстныя счеты въ средѣ его новыхъ историковъ, передѣлывающихъ русскую исторію заново.

Къ сказаннымъ тремъ орламъ науки г. Корсаковъ обращается съ подобающею скромностію. Онъ подавленъ мыслию о трудности того дѣла, которое раскрывается въ моей книгѣ, и находитъ подтвержденіе справедливости своего ощущенія у этихъ орловъ науки. „Исполнить задачу, взятую на себя г. Кояловичемъ, говоритъ онъ въ началѣ своей критики (стр. 684), дѣло весьма и весьма нелегкое“. Трудность эта г. Корсаковымъ даже усилена. „Написать исторію русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ, говоритъ онъ тамъ же немного ниже, значитъ представить обзоръ всего хода русской исторіографіи и высказать свое собственное научное воззрѣніе на все историческое развитіе жизни русскаго народа“.

Всякій читатель расположенъ послѣ этого думать, что г. Корсаковъ будетъ помнить то, что здѣсь сказалъ, будетъ помнить, что въ книгѣ раскрывается дѣло „весьма и весьма не легкое“, что слѣдовательно въ своей критикѣ онъ будетъ слѣдить, какія трудности и какъ преодолеваетъ авторъ и что даетъ сравнительно съ тѣмъ, что было до его книги. Читатель сильно ошибется. Ничего этого не помнить и знать не знаетъ г. Корсаковъ. Онъ знаетъ лишь или частности, мелочи или общія, высокопарныя фразы.

Съ высоты, указанной ему орлами науки, онъ сразу спускается въ литературныя, кастовыя низменности, и ведетъ наставительную рѣчь объ образованіи писателя, берущагося за такой предметъ, объ объемѣ его философскаго кругозора и т. п. вещахъ. Любопытно, что, и въ критикѣ на мою книгу К. Н. Бестужева-Рюмина, разсѣяны тоже пожеланія образованія, философскаго развитія дѣятелямъ по русской исторіи.

Образованіе, философское развитіе! Какія опять хорошія слова и какія въ нихъ хорошія пожеланія! Но если спускаться въ дѣйствительность, а тѣмъ болѣе въ низменность литературныхъ и кастовыхъ воззрѣній, то вотъ объ чемъ собственно нужно бы говорить. Что такое современный, вырастающій русскій историкъ? Хорошая память, хорошая наслышка, да бѣглая начетливость — вотъ вамъ и патентъ на русскаго историка. Съ этимъ патентомъ иные даже прошли въ знаменитость. А что касается философскаго развитія, то въ большинствѣ современныхъ историковъ, какъ и вообще писателей, мы русскіе теперь то именно и переживаемъ послѣдствія того перерыва философскаго образованія, какой былъ въ нашихъ университетахъ въ послѣднихъ сороковыхъ и до первыхъ шестидесятыхъ годовъ, и послѣдствія эти были бы еще тяжелѣе и продолжительнѣе, еслибы университетамъ не пришли на помощь духовныя академіи и даже семинаріи. Внимательный изслѣдователь современныхъ русскихъ сочиненій лицъ университетскаго образованія могъ бы сейчасъ же угадывать, даже не зная имени автора, кто писалъ, — бывшій ли семинаристъ, прошедшій въ университетъ, или не семинаристъ, и рѣдко бы ошибался. Умѣніе справиться съ предметомъ и све-

сти концы съ концами, логичность мысли, цѣпкость изложенія сейчасъ выдадутъ семинариста, привыкшаго съ самыхъ раннихъ лѣтъ сильно работать головой. Послѣ этого слова: образованіе, философское развитіе окажутся еще болѣе цѣнными, и совершенно естественно, что они повторяются; но странно то, что они высказываются чаще всего лицами, не получившими систематическаго философскаго образованія, и высказываются тѣмъ лицамъ, которые его получили и даже въ такой широтѣ, какой и теперь нѣтъ въ нашихъ университетахъ, а существуетъ и безъ всякаго перерыва только въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Правильнѣе поэтому было бы, высказывая такія пожеланія, сознавать, по крайней мѣрѣ, если не высказывать, свою отдаленность отъ этихъ пожеланій. Сейчасъ мы увидимъ, какъ далеки эти пожеланія отъ г. Корсакова, какъ онъ путается и, не сводитъ концовъ съ концами.

Г. Корсаковъ знаетъ направленіе моихъ прежнихъ историческихъ трудовъ, и объ этомъ направленіи даетъ такую аттестацію, что „религіозныя и политическія воззрѣнія“, положенныя въ основу моихъ историческихъ изслѣдованій, „всегда отличались одностороннею тенденціозностію“. Что именно въ моихъ религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ есть тенденціознаго и въ какую другую вѣру и другую политику г. Корсаковъ желалъ бы обратить меня,—это остается секретомъ. Разгадка этого секрета, и то лишь слабая, находится только въ томъ, что мои религіозныя и политическія воззрѣнія „примыкали (?), говоритъ мой критикъ, по нѣкоторымъ (?) вопросамъ къ хорошо всѣмъ извѣстнымъ воззрѣніямъ такъ называемыхъ славянофиловъ“ (стр. 685). Затѣмъ,

не долго думая, г. Корсаковъ заключаетъ, что отъ меня „трудно было ожидать научнаго изслѣдованія и что я „не удовлетворилъ даже формальнымъ требованіямъ исторической критики“. (Тамъ-же). Мало того въ пѣкоторыхъ мѣстахъ критикъ говоритъ, что я намѣренно обхожу тотъ или другой вопросъ и что даже старательно избѣгаю упоминать имя Ю. О. Самарина.

И однако, тотъ же г. Корсаковъ на той же страницѣ въ началѣ „совершенно согласенъ“ со мною по вопросу основному и чисто философскому, что „субъективизмъ историка постоянно даетъ себя знать“ и еще выше передъ тѣмъ, въ концѣ стр. 684 опрокидываетъ объективизмъ, какъ не оправдывающійся на дѣлѣ, хотя и составляющій, по его словамъ, желаемое *conditio sine qua non* для каждаго историка. Затѣмъ на стр. 708 г. Корсаковъ говоритъ, что XX и XXI главы моего сочиненія онъ можетъ „оставить безъ замѣчаній“, потому что я разбираю въ этихъ главахъ „безъ запальчивости и раздраженія“; слѣдующая XXII глава, по его словамъ, даже „гораздо безпристрастнѣе и научнѣе чѣмъ другія, а въ XII главѣ онъ находитъ не только болѣе безпристрастныя и болѣе научныя вещи, но даже „весьма обстоятельно и правдиво“ изложенныя, такъ что г. Корсаковъ считаетъ себя обязаннымъ заявить по этому поводу даже „особое свое удовольствіе“. И это не мелочи какія нибудь, не частности вызвали такое мнѣніе великодушнаго г. Корсакова, а цѣлая глава, да еще о такъ называемыхъ славянофилахъ (стр. 700)!!! Мало и этого. Тотъ же г. Корсаковъ припоминаетъ мое давнопрошедшее, мою борьбу съ польскими писаніями передъ послѣднею польскою сму-

тою, и говоритъ, что я тогда „боролся съ честію и съ достоинствомъ“ (стр. 694).

Какъ же это такъ, г. Корсаковъ? И односторонняя тенденціозность въ прежнихъ моихъ трудахъ, и честь и достоинство въ нихъ же?! И неудовлетвореніе научнымъ требованіямъ въ настоящемъ моемъ трудѣ, и научныя вещи въ немъ же?! И намѣренный обходъ мой въ той же книгѣ разныхъ непріятныхъ мнѣ вещей, и правдивое изложеніе, да еще славянофильства, которое, по вашимъ же словамъ, дало моимъ религіознымъ и политическимъ воззрѣніямъ одностороннюю тенденціозность?! Вѣдь это выходитъ, поистинѣ уже, не односторонняя, а разносторонняя тенденціозность! Или вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что и въ ученыхъ и даже въ нравственныхъ дѣлахъ можетъ имѣть законное мѣсто разносторонняя тенденціозность, даже въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же сочиненіи: можно быть и глупымъ и умнымъ, и лживымъ и правдивымъ? Въ самомъ дѣлѣ вы такъ думаете г. Корсаковъ, и потому-то у васъ сложилось такое дикое выраженіе—односторонняя тенденціозность, предполагающая и разностороннюю тенденціозность?!

Нѣтъ, вы тутъ просто сбились, запутались, а сбились и запутались потому, что слѣдовали весьма различнымъ авторитетамъ въ оцѣнкѣ меня. Въ вопросѣ о чести и достоинствѣ моей борьбы съ польскими писаніями въ послѣднюю польскую смуту вы слѣдовали К. Н. Бестужеву-Рюмину, который начинаетъ свою критику на мое сочиненіе лестнымъ отзывомъ о моихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ по исторіи западной Россіи; но вы не уяснили себѣ, какимъ образомъ съ этимъ отзывомъ могъ совмѣ-

щаться характеръ самой критики К. Н. Бестужева-Рюмина, особенно конецъ ея, совершенно противорѣчащій тому отзыву. Если бы вы надъ этимъ задумывались, то принуждены были бы согласиться, что лестный отзывъ въ началѣ критики К. Н. Бестужева-Рюмина помѣщенъ просто затѣмъ, чтобы соблюсти приличія въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ за полгода до того времени, какъ появилась критика на разбираемое и вами мое сочиненіе, былъ напечатанъ по поводу преміи за мое сочиненіе: Чтенія по исторіи Западной Россіи,—такой отзывъ о моей дѣятельности, что его нельзя было игнорировать никому изъ пишущихъ въ этомъ журналѣ. Вотъ откуда явились у васъ „честь и достоинство моей борьбы съ польскими писаніями“, невяжущіяся еще болѣе со всею вашею критикою и особенно съ вашими сужденіями о моихъ прежнихъ историческихъ сочиненіяхъ, объ „односторонней тенденціозности моихъ религіозныхъ и политическихъ воззрѣній“, высказавшихся въ нихъ. Напрасно вы такъ сдѣлали и нарушили единство вашихъ мыслей. Для васъ не существовало такихъ стѣснительныхъ обязательствъ, и вамъ лучше было бы совсѣмъ выбросить рѣчь о „чести и достоинствѣ моей борьбы“ съ поляками: тогда и моя односторонняя тенденціозность могла бы казаться не столь разностороннею. Но ваша путаница идетъ дальше.

Въ вашихъ сужденіяхъ о XX, XXI и XXII главахъ моего сочиненія вы оставались безъ руководства К. Н. Бестужева-Рюмина, который устранился отъ разбора ихъ, и послѣдовали другому авторитету—критику „Вѣстника Европы“, который для этихъ самыхъ главъ даетъ мнѣ снисхожденіе и даже почти въ такихъ же выраженіяхъ,

какія вы употребляете. Ему же вы послѣдовали и въ первоначальныхъ вашихъ сужденіяхъ о моихъ религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ, о моей односторонней тенденціозности, даже о моемъ славянофильствѣ ¹⁾. Но затѣмъ вы опять спутались и пошли точно въ потьмахъ и совершенно вопреки К. Н. Бестужеву-Рюмину и даже критику „Вѣстника Европы“, похвалили меня за главу о славянофилахъ. Пожелали быть самостоятельнымъ и стали въ противорѣчіе съ своими авторитетами, да и со всякими требованіями логичности, единства мысли.

Наконецъ, что касается вашихъ сужденій о моихъ разныхъ обходахъ неприятныхъ для меня вещей у историковъ, то это я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что вы послѣдовали г. А. Скабичевскому, заподозрившему меня въ дурныхъ намѣреніяхъ при составленіи заглавія и даже при подборѣ прифтоговъ для него.

Ни г. Корсаковъ, ни кто либо другой не могутъ претендовать на меня за раскрытіе этой субъективности моего критика. Я имѣю еще болѣе ясныя доказательства этой разносторонне-тенденціозной субъективности.

На стр. 702 г. Корсаковъ нападаетъ на мои сужденія о трудахъ Н. И. Костомарова, которому я, однако, отдаю надлежащую справедливость въ нѣсколькихъ мѣстахъ моего разбора. Тутъ опять противорѣчіе съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, который признаетъ мои сужденія о трудахъ Н. И. Костомарова справедливыми; но противорѣчіе не самостоятельное. Г. Корсаковъ позволяетъ себѣ при этомъ приписывать мнѣ „инсинуаціи по

¹⁾ См. начало критики г. Л. С. «Вѣстн. Европы» за 1884 г., м. Декабр.

отношенію къ маститому художнику-историку“. Тутъ все взято у другихъ. „Ипсинуаціи“ мнѣ приписалъ тоже знаменитый современный писатель г. Михневичъ, который все знаетъ, знаетъ всѣхъ русскихъ писателей, ихъ сочиненія, научные, литературные приемы, отличительныя черты характера; но не знаетъ одного, что прежде всего долженъ бы знать, именно не знаетъ того, что онъ писатель—непомнящій своего русскаго родства. „Маститость художника-историка“ взята г. Корсаковымъ изъ одной газеты. Тамъ это имѣло свой смыслъ, сказано было, очевидно, друзьями-малороссами, и сказано по поводу такихъ несчастныхъ случаевъ въ жизни Н. И. Костомарова, которые вызывали глубокое участіе къ нему не только въ друзьяхъ, но и въ людяхъ весьма далекихъ отъ его историческихъ воззрѣній; а г. Корсаковъ, кажется, не малороссъ и пишетъ не газетную хронику, а ученый разборъ серьезной книги. Съ историческою маститостію и художественною исторіей ему слѣдовало бы обращаться иначе, т. е. мотивировать это научно.

Способность заимствовать чужія мнѣнія идетъ у г. Корсакова еще дальше, даже до самоотверженія. Тутъ же г. Корсаковъ обижается и, оцять вопреки мнѣнію К. Н. Бестужева-Рюмина, что я дурно отзывалось объ историческихъ романахъ и историческихъ драмахъ, которые, по мнѣнію г. Корсакова, „имѣютъ весьма важное значеніе въ развитіи историческихъ воззрѣній въ обществѣ“. Не обращаю здѣсь особеннаго вниманія на то, что г. Корсаковъ неправильно приводитъ мое мнѣніе, не указываетъ, что я даю изъятіе для геніевъ, крупныхъ талантовъ. Гораздо важнѣе слѣдующее: вы, г. профессоръ Корса-

ковъ въ самомъ дѣлѣ признаете полезными или хотя бы безвредными для науки русской исторіи заурядные историческіе романы и драмы, которыми наводняется наша литература? Или чужая рука прошла по вашей рукописи? То или другое?

Эти же вопросы я вынужденъ поставить моему критику и по другому дѣлу, довольно сродному.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, разбирая мою книгу, широко раздвинулъ рамки для такого сочиненія. Я на это сказалъ, что сейчасъ же раздвинулъ бы эти рамки вдвое, если бы сталъ писать программу сочиненія, которое можетъ явиться развѣ въ слѣдующемъ столѣтїи и то не въ началѣ его, и памѣтилъ, какъ можно раздвинуть эти рамки. Но что значитъ наша съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ широта рамокъ передъ широтою г. Корсакова! У него такой высокій полетъ; его зрѣніе обнимаетъ такое обширное пространство, что дѣйствительные русскіе предметы и даже вся дѣйствительная русская земля покрываются туманомъ и исчезаютъ. Вотъ чего онъ требуетъ отъ меня только для ближайшаго нашего прошедшаго. Привожу въ порядокъ довольно нескладно разставленныя положенія г. Корсакова, но соблюдаю полноту и точность при моей передачѣ. Всѣ нижеприводимыя положенія моего критика находятся на стр. 688—689. Онъ требуетъ отъ меня разбора: исторіи „ослабленія цензуры“ и нашего просвѣтлѣнія отъ этого въ области изслѣдованія „исторіи Петра и его преемниковъ“; исторіи возрожденія „русской публицистики“ послѣ крымской войны и обнаруженія при этомъ „пытливости русской мысли“; исторіи „трехъ краеугольныхъ реформъ прошлаго царствованія — крестьянской, зем-

ской, судебной“; исторіи „крестьянства и разныхъ народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства“; исторіи „областей великорусскихъ, Малороссіи, Западнаго края, Балтійскаго края, Поволжья, Сибири, Кавказа“ (кстати бы и среднеазиатскихъ нашихъ владѣній); исторіи того, какъ возбуждались вопросы о народности, какъ „развитію этихъ вопросовъ способствовали явленія современной политической жизни западной Европы и міра славянскаго“, какъ „объединялось во имя національности населеніе полуострововъ Апенинскаго и Балканскаго, зарождалось стремленіе къ политическому объединенію въ разрозненныхъ мелкихъ государствахъ Германскаго союза“ и какъ „все это національное возбужденіе на Западѣ и среди славянъ отзывалось и у насъ“; какъ всѣ эти явленія вызывали у насъ „изученіе политическихъ, общественныхъ и культурныхъ явленій русской жизни: исторіи церкви, исторіи учреждений, сословій, городовъ, промышленности, торговли, законодательства, просвѣщенія, литературы“,—и какъ „все стало изучаться заново“, а для изученія этого заново изучаемаго мнѣ слѣдовало изучать не только отдѣльные матеріалы и изслѣдованія, „достигшіе небывалыхъ размѣровъ“, труды разныхъ ученыхъ обществъ, но также и „литературные журналы, переполненные статьями по указаннымъ выше вопросамъ“, слѣдовательно и современные историческіе романы, которые, впрочемъ, г. Корсаковъ исключаетъ изъ исторіи русскаго самосознанія и, слѣдовательно, знаменитые труды по русской исторіи гг. Михневича и А. Скабичевскаго.

Позволительно думать, что такая широта запросовъ, поставленныхъ исторіку русскаго самосознанія по исто-

рическимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ, заставила бы самаго усидчиваго, невозмутимѣйшаго и объективнѣйшаго нѣмца воскликнуть: „Mein Gott! какъ это можно? Это ужъ слишкомъ! И зачѣмъ такой сильный Drang nach Westen, такъ издалека и такъ далеко, — изъ Сибири черезъ Балтійскія губерніи въ Германскую имперію! Да и безъ этого Drang nach Westen слишкомъ много!“ Такая исторія русскаго самосознанія едвали явится и черезъ столѣтіе, а теперь, при такой широтѣ запросовъ, возможны лишь или такіе труды, какъ трудъ г. Леруа-Болье, или, еще лучше, какъ „Живописная Россія“ М. О. Вольфа.

Невольно, при этомъ, мнѣ вспоминается одинъ анекдотъ изъ польской жизни. Былъ полякъ въ гостяхъ у добрыхъ знакомыхъ. Пришлось возвращаться домой — верхомъ на лошади, съ сѣдломъ или безъ сѣдла, — сказаніе умалчиваетъ. Никакъ не можетъ полякъ вскочить на лошадь. Сталъ призывать высшую помощь, перебирать своихъ патроновъ, — не выходитъ; не можетъ вскочить на лошадь! Наконецъ, полякъ понатужился, призвалъ на помощь всѣхъ своихъ святыхъ, и... перескочилъ на другую сторону лошади! „Не всѣ же вдругъ помогайте“, взмолился озадаченный, фамиллярно благочестивый полякъ.

Вотъ этотъ-то самый гимнастическій процессъ предлагаетъ мнѣ г. Корсаковъ совершить въ моей исторіи русскаго самосознанія. Покорно благодарю! Я еще не дошелъ до такого дѣтски-фамиллярнаго отношенія къ моей задачѣ, хотя не скрою, что такой процессъ можетъ быть заманчивъ для ученаго, не столь пожилаго, какъ я, и заманчивость эта можетъ быть для кого-либо

изъ моихъ болѣе молодыхъ собратьевъ тѣмъ сильнѣе, что подкрѣпляется двумя толстыми у насъ журналами — „Вѣстникомъ Европы“ и „Русскою Мыслію“, и въ настоящемъ случаѣ подкрѣпляется собственнымъ опытомъ г. Корсакова. А что это такъ, что г. Корсаковъ, дѣйствительно, совершаетъ гимнастическій процессъ, продѣланный вышеуказаннымъ полякомъ, на это вотъ доказательства. На стр. 706 своей критики г. Корсаковъ утверждаетъ, будто бы у меня „совершенно пропущена“ группа новѣйшихъ писателей по русской исторіи. Въ особенности онъ жалуется, что у меня, по его словамъ, пропущены такія изданія, какъ „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“, „Древняя и Новая Россія“ и „Историческій Вѣстникъ“, съ ихъ редакторами, и высчитываетъ томы этихъ изданій. О „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“ я говорю и ссылаюсь на нихъ даже не разъ. Ссылаюсь я и на „Древнюю и Новую Россію“. Жалоба г. Корсакова, слѣдовательно, можетъ относиться лишь къ „Историческому Вѣстнику“, который я, хотя тоже упоминаю, но вскользь. Большой грѣхъ, безъ сомнѣнія! Но жалобы должны быть точно формулированы. Указывая на 14 томовъ „Историческаго Вѣстника“, слѣдовало непременно сказать, что „Историческій Вѣстникъ“ есть русскій историческій Вѣстникъ въ не собственномъ смыслѣ, что не за всѣ эти 14 томовъ я подлежу карѣ. Slѣдовало непременно это опредѣлить, потому что въ этихъ 14-ти томахъ большое, очень большое число листовъ приходится на помѣщенные тамъ разнаго рода историческіе и не историческіе иноземные романы, до которыхъ наукъ русской исторіи нѣтъ дѣла. Или вы, г. Корсаковъ, причисляете къ русскому исто-

рическому материалу и эти иноземные романы? Или и тутъ по вашей рукописи прошла чужая рука, которая на вашемъ имени отпрвила въ путь къ знаменитости собственное самолюбие? То или другое? Скажите! Во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что тутъ вы призвали на помощь уже слишкомъ большое число новѣйшихъ историческихъ знаменитостей и подобно вышесказанному поляку совсѣмъ перескочили не только черезъ русское самосознаніе вообще, даже и черезъ личное самосознаніе. А есть еще въ вашей критикѣ доказательства, что вы, тоже подобно тому поляку, не доскакивали до предмета, которымъ, повидимому, совершенно владѣете.

Въ рукахъ у г. Корсакова было простое, не очень мудреое дѣло, но полезное всякому историку, какъ справка. Онъ, въ свое время, отдавался работѣ книжнаго и даже рукописнаго крота. Вотъ, это ему и слѣдовало вывести наружу просто, безъ шуму, безъ покушеній на орлиный полетъ и орлиное зрѣніе и безъ нарушенія уваженія къ автору сочиненія, далеко болѣе труднаго, чѣмъ библиографическая группировка данныхъ. Такъ, хотя г. Корсаковъ не повторилъ ошибки К. Н. Бестужева-Рюмина, будто бы въ моей книгѣ не упоминается Устряловъ, но вѣрно замѣтилъ, что о курсѣ русской исторіи Устрялова у меня ничего не говорится. Въ моемъ курсѣ лекцій всегда велась рѣчь и объ этой исторіи; но въ настоящей моей книгѣ она выпущена, какъ выпущена рѣчь и объ исторіи Глинки. То и другое выпущено по той причинѣ, что, какъ могутъ замѣтить читатели моей книги, я избѣгаю безъ особенной нужды голыхъ библиографическихъ ссылокъ. Для этого теперь есть совершенно удобныя справочныя вещи, осо-

беино роспись книгъ г. Межова. Я стараюсь говорить о такихъ книгахъ, которымъ нашель подобающее мѣсто въ ряду другихъ книгъ по ихъ внутреннему достоинству и однородности теорій, въ нихъ выражающихся. Разобрать, какъ слѣдуетъ, исторію Глинки и Устрялова значитъ поднять всю исторію принциповъ—православіе, самодержавіе и народность. Часть этой работы у меня видна въ главѣ о такъ называемыхъ славянофилахъ; но въ томъ видѣ, какъ эти принципы высказались въ той области литературной, гдѣ имѣютъ мѣсто труды Глинки и Устрялова, работа эта не кончена, и я не рѣшился дать ея; не смотря на большой вызовъ на это. У меня есть, между прочимъ, часть писемъ покойнаго архіепископа Смарагда за время, когда онъ въ первыхъ тридцатыхъ годахъ былъ полоцкимъ епископомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ—совершенно новое освѣщеніе и либеральныхъ временъ Александра I и тѣхъ временъ, когда при Николаѣ I стали дѣйствовать принципы: православіе, самодержавіе и народность. Тогда и „лирическія чувствійца“ поэтовъ тридцатыхъ годовъ, надъ которыми смѣется К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей критикѣ на мое сочиненіе, можетъ быть оказались бы не совсѣмъ смѣшными. Но работа эта не кончена, и мнѣ приходится жалѣть лишь о томъ, что для успокоенія моихъ придирчивыхъ критиковъ я не далъ имъ просто нѣсколькихъ словъ или даже однѣ библиографическія справки. А что же вы, г. Корсаковъ, любитель библиографическихъ справокъ, ничего не сказали о запискахъ сына историка Устрялова, печатавшихся въ прошедшемъ году въ томъ же „Историческомъ Вѣстникѣ“, за научное богатство котораго вы такъ ратуете? Тамъ есть и объ историче-

скихъ занятіяхъ историка Устрялова и вамъ бы слѣдовало что-нибудь сказать объ этихъ запискахъ, когда уже вы заговорили о курсѣ исторіи Устрялова. Тамъ вѣдь очень умалено значеніе университетскихъ занятій Устрялова. Вы, значить, тутъ не доскочили, принимаясь за дѣло. Но подобныхъ недоскоковъ или просто недочетовъ у васъ много.

Въ началѣ первой главы моего сочиненія я говорю, что исторія науки русской исторіи, какъ нѣчто цѣльное, у насъ не существовала до послѣдняго времени, что дѣлались лишь отрывочные опыты въ этомъ родѣ, кромѣ С. М. Соловьева „и другими, какъ, на примѣръ: Лашинюковымъ, Н. И. Костомаровымъ“. Г. Корсаковъ воспользовался словомъ— другими и подставилъ подъ него еще другіе, тоже болѣе или менѣе отрывочные опыты. Это очень хорошо. Но странно, что такой, повидимому, знатокъ литературы русской исторіи не прибавилъ къ своему списку обзора литературы русской исторіи г. Леонтовича и такого же обзора г. Самоквасова. Недоскочилъ, значить, опять. Г. Корсаковъ не доскочилъ приэтомъ даже въ хронологіи, да еще за новѣйшее время, за невниманіе къ которому онъ такъ жалуется на меня. „Смѣемъ думать, заключаетъ онъ свой переченьъ опытовъ исторіографіи, что вопросъ затронутый въ 1827 году“ (исторіографическимъ опытомъ Зиновьева), „т. е. пятьдесятъ четыре года тому назадъ, не можетъ быть названъ явленіемъ недавнимъ“. Смѣемъ думать, г. Корсаковъ, что тому назадъ къ 1827 г. не 54 года, а 58-ой (1885—1827=58). Значить, вы еще разъ недоскочили, да еще въ такомъ важномъ, интересномъ для васъ времени. Впрочемъ, я думаю, что тутъ не недоскокъ, а просто

небрежность, неосмотрительность. Въ одномъ мѣстѣ своей критики г. Корсаковъ назначаетъ мнѣ послѣднимъ годомъ, до котораго я долженъ былъ разсматривать все написанное по русской исторіи, 1880 г. Въ такомъ случаѣ, отъ 1827 до 1880 г. можно какъ нибудь натянуть 54 года, если привскочить къ 1880 году и отскочить къ началу 1827. Но г. Корсаковъ самъ подрываетъ это извиненіе. Высчитывая томы историческихъ журналовъ, которыхъ я не разсмотрѣлъ, онъ прихватываетъ лишніе три года для „Историческаго Вѣстника“ (другихъ его счетовъ я не провѣрялъ) и высчитываетъ томы этого изданія до 1884 г., т. е. уже сильно подскакиваетъ, должно быть тоже отъ избытка ревности къ славѣ этого изданія.

Подобныхъ промаховъ, небрежнаго отношенія къ серьезному дѣлу у г. Корсакова очень много. Вотъ списокъ главнѣйшихъ его промаховъ и притомъ по такой категоріи, которая никакъ не позволительна, особенно въ критикѣ сколько нибудь правдивой и серьезной. Онъ невѣрно передаетъ мои мысли и съ такою смѣлостію, которая превосходитъ всѣ невѣрности, указанныя мною въ критикѣ на мое сочиненіе К. Н. Бестужева-Рюмина.

На стр. 685 своей критики г. Корсаковъ утверждаетъ, что „русская самобытность представляется“ мнѣ исключительно въ религіозныхъ, культурныхъ, политическихъ и общественныхъ основахъ жизни Московскаго государства“ и „является“ для меня „единственнымъ критеріумомъ въ сужденіяхъ о многовѣковой и разнообразной жизни русскаго народа“. Между тѣмъ на 286—7 стр. моего сочиненія, въ той самой главѣ, — о славянофилахъ, которую самъ г. Корсаковъ хвалитъ, даже сильно

хвалить, я показываю, какъ по моему мнѣнію слѣдуетъ расширить русскіе идеалы московскихъ временъ, и на 287 страницѣ, между прочимъ говорю: „идеалы русской жизни во времена московскаго единодержавія, особенно послѣ самозванческихъ смуть, требуютъ, по нашему мнѣнію, критики и новыхъ поясненій. Идеалы эти должны быть сопоставляемы съ идеалами не только болѣе старой московской Руси, но и съ идеалами дотатарской Руси“. Эти мысли я поясняю въ многочисленныхъ мѣстахъ моего сочиненія, и нерѣдко такъ прямо ихъ ставлю, что одинъ изъ моихъ прежнихъ критиковъ, легкокрылый западникъ изъ „Вѣстника Европы“ г. Л. С. счелъ себя обязаннымъ пожаловаться на меня старой допетровской Руси, что я ее обижаю.

На стр. 690 своей критики г. Корсаковъ говоритъ, что я считаю К. Д. Кавелина послѣдователемъ воззрѣній С. М. Соловьева, замѣчаетъ, что „это не совсѣмъ точно“ и затѣмъ показываетъ, что К. Д. Кавелинъ высказывалъ свои воззрѣнія на родовой бытъ и раньше С. М. Соловьева, и иначе.

На 389 стр. моего сочиненія я говорю, что родовое начало не было самостоятельнымъ у С. М. Соловьева „и въ самомъ началѣ его дѣятельности раздѣлялось уже нѣкоторыми, такъ что Соловьевъ своими сочиненіями давалъ лишь имъ поводъ высказывать свои мнѣнія“. Затѣмъ говорится у меня: „Къ числу такихъ именно послѣдователей или, лучше сказать, сотрудниковъ по разработкѣ родового быта принадлежитъ бывшій профессоръ здѣшняго университета К. Д. Кавелинъ“, и затѣмъ подробно показывается, какъ иначе смотрѣлъ на родовой бытъ К. Д. Кавелинъ.

На стр. 691 своей критики г. Корсаковъ, подобно К. Н. Бестужеву-Рюмину, удивляется, на какомъ основаніи я помѣщаю г. Брикнера въ ряду писателей реалистическаго направленія.

На 420 стр., приступая къ разбору другихъ сочиненій реалистическаго направленія кромѣ соч. Щалова, я говорю: „Прежде всего мы должны здѣсь указать на сочиненіе, смѣшаннаго характера, имѣющее связь съ исторіей С. М. Соловьева и еще больше съ теоріями балтійскихъ ученыхъ, и съ Сеньковскимъ, и въ концѣ концовъ примыкающее къ воззрѣніямъ современныхъ реалистовъ“, и затѣмъ говорю, что разумѣю здѣсь сочиненіе г. Брикнера о Петрѣ Великомъ. Какъ именно г. Брикнеръ примыкаетъ къ реалистамъ, это не трудно было видѣть моимъ критикамъ. Ниже, на 425 стр. моего сочиненія я говорю: „Авторъ нашъ (г. Брикнеръ) даже, повидимому, отрѣшается отъ всякихъ народныхъ особенностей и возвышается до космополитизма. „Національному началу, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ, до того времени (т. е. до времени Петра) господствовавшему въ русскомъ обществѣ, былъ противопоставленъ принципъ космополитизма“, иначе сказать (моя рѣчь уже), русское ничто, долженствовавшее образоваться въ Россіи съ отреченіемъ отъ русскаго національнаго начала, должно было превратиться въ западноевропейское ничто. Считаю излишнимъ прибавлять что либо для поясненія этого положенія г. Брикнера“. Я и теперь считаю излишнимъ прибавлять что либо для поясненія и доказательства, что г. Брикнеръ примыкаетъ къ реалистамъ.

Прибавлю развѣ то, что г. Брикнеръ задалъ мнѣ не мало заботъ, куда его пристроить. Онъ и послѣдователь

балтійскихъ ученыхъ нѣмцевъ, и почитатель С. М. Соловьева, и примыкаетъ къ реалистамъ, — даже хотѣлъ русскую исторію превратить въ гербарій. Я и примкнулъ его къ реалистамъ съ вышеприведенными оговорками. Теперь мнѣ говорятъ, что я не туда пристроилъ г. Брикнера, что его лучше всего пристроить къ западникамъ. Согласенъ. Пристрою со временемъ.

На стр. 694 своей критики г. Корсаковъ утверждаетъ, что я „очень недоволенъ историческимъ обзоромъ г. Леруа-Болье и въ особенности изложеніемъ исторіи московскаго государственнаго строя“.

Послѣднее вѣрно, а первое невѣрно. Объ изложеніи Леруа-Болье исторіи дотатарскаго нашествія я говорю на стр. 444 моего сочиненія:

„Въ домонгольскомъ періодѣ авторъ видитъ совершенно естественное развитіе нашей цивилизаціи. Мы были не только подъ вліяніемъ Византіи, но и въ связи съ западной Европой“!.. Затѣмъ я перечисляю, въ чемъ Леруа-Болье усматриваетъ у насъ за это время хорошіе признаки цивилизаціи, и замѣчаю: „Вообще въ дотатарскій періодъ, мы по автору, стояли ничуть не ниже западной Европы по нашей цивилизаціи“. Гдѣ же тутъ „я недоволенъ, даже очень недоволенъ историческимъ обзоромъ Леруа-Болье“ и дотатарскаго времени.

На той же 694 стр. своей критики г. Корсаковъ утверждаетъ, что я обвиняю г. Киркора, главнаго автора третьяго тома „Живописной Россіи“, за то, что онъ „указываетъ на самобытность литовскаго народа и бѣлорусской отрасли народа русскаго и признаетъ нѣкоторое вліяніе на Литву и Бѣлоруссію польско-католической цивилизаціи“.

Кто прочитаетъ 450, 451 и 452 стр. моего сочиненія, тотъ убѣдится, что я вовсе не обвиняю Киркора за указаніе на самобытность литвиновъ и бѣлорусовъ и такой тенденціи въ немъ вовсе не усматриваю, а усматриваю его усилія показать не нѣкоторое вліяніе польско-католической цивилизаціи, а всеобщее, всеобъемлющее, и усилія закрыть русскую цивилизацію въ этихъ странахъ.

На той же 694 стр. своей критики г. Корсаковъ говоритъ, что онъ „цѣликомъ приводитъ“ мой отзывъ о книгѣ (?), какъ онъ выражается, митрополита Макарія (нужно было сказать о многотомномъ сочиненіи этого автора), а въ дѣйствительности онъ приводитъ изъ этого моего отзыва 11 неполныхъ строкъ изъ числа 60. См. мое сочиненіе, стр. 512 и 513.

На слѣдующей 695 стр. своей критики г. Корсаковъ самоувѣренно утверждаетъ, что я признаю неважными сочиненія архіепископа Филарета „Обзоръ русской духовной литературы“ и „Русскіе святые“ и вообще осуждаетъ меня, почему я не разсматриваю подробно произведеній русской церковной исторіи.

На 511 стр. моего сочиненія я заявляю: „мы сообщимъ самыя краткія свѣдѣнія о предшествовавшихъ (исторіи профессора Голубинскаго) главнѣйшихъ трудахъ по русской церковной исторіи и о направленіи въ разработкѣ этого предмета“. Слѣдовательно, о моемъ неуваженіи къ какимъ либо трудамъ по этому предмету рѣчи быть не должно, а можетъ лишь быть рѣчь о причинахъ, почему я сообщаю краткія свѣдѣнія, и причины ясны, потому что я въ моемъ сочиненіи веду рѣчь о русской гражданской исторіи. Въ этомъ же мѣстѣ г. Корсаковъ осуждаетъ меня за то, что я напечаталъ спи-

сокъ моихъ сочиненій. Точный библиографъ однако не замѣтилъ что въ этомъ списокѣ сдѣланъ пропускъ самой большой части этого списка,—пропускъ статей по тому самому вопросу, за который г. Корсаковъ воздаетъ мнѣ честь и видитъ мое достоинство.

На стр. 697 своей критики г. Корсаковъ утверждаетъ, что я забываю 1) о томъ, что Татищева называли аеистомъ, а я объ этомъ помню, см. 357 стр. моего сочиненія; 2) „что исторія Татищева тридцать лѣтъ послѣ своего написанія лежала подъ спудомъ и увидала свѣтъ Божій благодаря нѣмцу Миллеру“, а я объ этомъ говорю на 105 стр. моего сочиненія и на 108 стр. даже показываю, какой большой вредъ потерпѣла наука русской исторіи отъ того, что исторія Татищева такъ долго не издавалась.

На 700 стр. своей критики г. Корсаковъ утверждаетъ, что я „ни слова“ не говорю о запискахъ Щербатова и Татищева, а я говорю о запискѣ Щербатова на стр. 132 моего сочиненія, а объ научныхъ проектахъ Татищева на стр. 104.

На той же 700 стр. своей критики г. Корсаковъ защищаетъ отъ меня С. М. Соловьева и даетъ понять, будто бы я упрекаю его въ намѣренномъ извращеніи фактовъ.

На стр. 309—10 моего сочиненія говорится: „Такой талантливый писатель, такой знатокъ русской прошедшей жизни, такой устойчивый русскій человѣкъ, какъ С. М. Соловьевъ не думалъ проводить такой теоріи (теоріи разрушенія) на чужую руку, а имѣлъ свои ученныя основанія, которыя въ его глазахъ оправдывали эту теорію, такъ сказать, выдвигали ее изъ самой русской жизни,

какъ данное этою жизнію, которое нужно показать во имя истины, не смотря ни на какія щекотливости и ни на какую народную боль“.

Во многихъ мѣстахъ моего обзора сочиненій С. М. Соловьева я показываю, что фактическая сторона у него вѣрно изложена. Напримѣръ, на 305 стр. я говорю: „Фактическая сторона въ томъ и другомъ отдѣлѣ, т. е. касательно внѣшнихъ событій и внутренняго быта, необыкновенно богата и научно поставлена. Авторъ все читалъ самъ и даетъ факты изъ первыхъ рукъ, т. е. изъ первыхъ источниковъ. Для большей точности онъ чаще всего выписываетъ подлинныя мѣста источниковъ“.. Или на стр. 328: „Соловьевъ не вѣрно изложилъ исторію закрѣпощенія и не далъ ни одного намека на иноземное происхожденіе его; но исторію развитія крѣпостного права онъ изложилъ вѣрно и далъ такую массу фактовъ, показывающихъ чудовищныя усилія превратить человѣка въ рабочаго скота и представилъ ихъ въ такой тѣсной связи съ развитіемъ у насъ западно-европейской цивилизаціи, что всякій непредубѣжденный читатель видитъ ясно эту связь, — связь рабскаго ига русскаго народа съ западноевропейскимъ просвѣщеніемъ нашей интеллигенціи“. Наконецъ, заканчивая мой обзоръ исторіи С. М. Соловьева и показывая, что онъ отступалъ отъ своихъ прежнихъ возрѣній и приближался къ славянофиламъ, я говорю: „Безъ сомнѣнія, это былъ процессъ весьма мучительный для такого устойчиваго писателя; но для насъ, постороннихъ наблюдателей, это — прекрасное свидѣтельство возвышенности души нашего историка и обаятельной силы основныхъ началъ нашей русской исторической жизни“.

На стр. 705 своей критики г. Корсаковъ говоритъ: „Почему не упомянулъ г. Кояловичъ изъ новѣйшихъ трудовъ по русской исторіографіи труда профессора кіевскаго университета В. С. Иконникова, печатавшагося въ ученыхъ запискахъ этого университета“? На стр. 193 моей книги въ примѣчаніи къ IX главѣ, — о скептической школѣ, указывается изслѣдованіе г. Иконникова о скептикахъ и ихъ противникахъ, а на 269 стр. говорится: „рѣдкая книга выходитъ, которая не вызвала бы рецензіи профессора Иконникова. Въ кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ нерѣдко печатаются даже бібліографическія обзорѣнія цѣлой группы книгъ по русской исторіи за то или другое время, составляемыя г. Иконниковымъ. Подобныя обзорѣнія авторъ дѣлалъ и въ области давнопрошедшаго нашей науки. Таково указанное нами его обзорѣніе литературы скептической школы. Есть у него и обзорѣнія дѣятельности выдающихся историческихъ лицъ“, и затѣмъ показываются другія сочиненія г. Иконникова.

На той же 705 страницѣ своей критики г. Корсаковъ говоритъ: „Почему, говоря о славянофилахъ, г. Кояловичъ такъ тщательно избѣгаетъ Ю. Ѡ. Самарина, этого глубоко-честнаго и высоко-образованнаго русскаго человѣка“?

На стр. 281—282 моей книги, въ главѣ о славянофилахъ, я говорю: „Великаго вниманія и глубокаго изученія заслуживаетъ со стороны русскихъ людей, какъ ученыхъ, такъ и общественныхъ дѣятелей, то, что положительная сторона, положительное содержаніе русской народности, какъ ихъ выясняютъ славянофилы, производили не разъ обаятельное вліяніе на нашихъ за-

падныхъ окраинахъ и притягивали ихъ къ русскому народному цѣлому прочнѣе всѣхъ другихъ мѣръ. Это доказали дѣла Н. Милютина и князя Черкаскаго въ Польшѣ, дѣла и сочиненія касательно западныхъ окраинъ и балтійскихъ областей Самарина, Гильфердинга и другихъ“. Въ главѣ о послѣдователяхъ возрѣній С. М. Соловьева, на стр. 403—405, я разбираю полемику Ю. О. Самарина съ Б. В. Чичеринымъ. Упоминаю объ этомъ спорѣ и на 445 стр. Наконецъ г. Корсаковъ могъ въ свое время слышать и читать и прежде въ отчетахъ славянскаго общества и теперь въ недавно изданномъ сборникѣ этого общества, что я говорилъ рѣчь о Самаринѣ, которая, смѣю думать, доказываетъ достаточно, какъ я помню и цѣню Ю. О. Самарина. Какимъ образомъ попала въ критику г. Корсакова эта нелѣпость, которой такъ легко можно было избѣгнуть простой справкой въ указателѣ, приложенномъ къ моей книгѣ, я рѣшительно не могу понять. Подобныхъ нелѣпостей есть еще вѣсколько и выше и ниже этой нелѣпости въ критикѣ г. Корсакова.

Какъ же такъ г. Корсаковъ?! Вы обнаруживаете притязаніе на орлиный полетъ и орлиное зрѣніе въ области русской исторіи; заглядываете даже въ тайники моей ученой жизни, знаете и то, что я читалъ, чего не читалъ, знаете даже и то, въ какомъ видѣ была та рукопись, по которой набиралась Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ, а въ области простѣйшихъ обязанностей критика—передать вѣрно, точно мысли разбираемаго автора—вы надѣлали столько промаховъ, неправды и съ такимъ легкомысліемъ, какое свойственно развѣ легко-

крылой мелкотѣ или поверхностнымъ кротамъ науки, а вы, конечно, не желаете, да по вашему положенію вамъ и не подобаетъ быть въ компаніи этихъ субъектовъ? Какъ же быть? Не знаю, какъ быть; но вѣрно то, что теперь г. Корсаковъ находится въ этой компаніи. Онъ такъ беззавѣтно перескочилъ въ среду тѣхъ новѣйшихъ историковъ, у которыхъ, по его собственнымъ словамъ, заново передѣлывается русская исторія: вотъ онъ и передѣлываетъ ее и дѣлаетъ это, между прочимъ, съ моей книгой,—заново передѣлываетъ ее съ такимъ же достоинствомъ научныхъ приемовъ, съ какимъ и его новѣйшіе историки заново передѣлываютъ вообще русскую исторію.

Исторія этой передѣлки русской исторіи заново весьма любопытна. Меня вынуждаютъ заговорить объ ней. Дѣлаю предварительно слѣдующую оговорку. Я глубоко уважаю дѣйствительную кротовую работу въ исторіи и знакомъ съ нею. Затѣмъ, я признаю потребность большого и большого обновленія и даже перестройки и надстройки въ наукѣ русской исторіи. Но никакая кротовая работа не можетъ заставить меня забыть потребность искать въ ней русской жизни. Точно также, никакого обновленія, перестройки, надстройки въ русской исторіи я не могу мыслить и производить иначе, какъ согласно съ требованіями этой жизни. Эти оговорки прошу читателей помнить при чтеніи ниже слѣдующихъ строкъ.

Наше русское прошедшее, отъ котораго сильнѣе и сильнѣе бьетъ ключемъ жизненная сила, не смотря на всѣ мертвящія вліянія, петровскія и послѣ-петровскія, превращена, за немногими лишь исключеніями, въ но-

вѣйшей наукѣ въ бездыханный трупъ, который можно только анатомировать, высушивать со всею нѣмецкою тщательностію, но искать въ немъ жизни нельзя. Истомились въ этой препаровочной, лишенной всякаго притока роднаго, свѣжаго русскаго воздуха, юные работники—истомились и разбрелись по распутіямъ той самой иноземщины, которая первая стала превращать наше прошедшее въ бездыханный трупъ. Наши русскіе иноземцы-западники поняли это и стали оживлять этотъ трупъ жизненными элексирами, собираемыми со всего міра, кромѣ Россіи, и, дѣйствительно, заново передѣлываютъ русскую исторію и посредствомъ разныхъ приностей возбуждаютъ вкусъ къ ней. Поняли свою хорошую пору и беллетристы, лишенные дѣйствительной художественности, поняли, что русскій читатель зѣваетъ на второй страницѣ серьезной книги—русской исторіи, а на десятой совсѣмъ засыпаетъ, поняли и стали наводнять русскую литературу историческими романами, въ которыхъ уже совсѣмъ, отъ самыхъ корней и до верхушекъ, заново передѣлывается русская исторія, и посредствомъ еще болѣе сильныхъ приностей возбуждается въ русской публикѣ вкусъ къ этимъ романамъ.

Какъ же не быть враждебному отношенію къ моей книгѣ, когда я, перебирая старыя и новыя труды по русской исторіи, показываю, что лучшее въ ней въ славянофильскомъ субъективизмѣ, казавшемся уже совсѣмъ устарѣлымъ и похоропленнымъ, и что къ этому старому субъективизму поворачивали и поворачиваютъ всѣ лучшіе русскіе историки? Всеобщій походъ предпринять противъ меня за это, точно рѣшено уничтожить меня за такое сочиненіе. Нацрасный трудъ! Уничтожить мела

уже нельзя по той простой причинѣ, что уже давно я стою, давно на виду у всѣхъ, и имѣю слишкомъ явныя доказательства, что многіе и теперь видятъ меня и сочувствуютъ мнѣ. Имѣю даже возможность не только спокойно смотрѣть на поднявшуюся бурю, но и питать юношескія мечты. При томъ числѣ читателей моей книги, какое теперь есть, мнѣ позволительно думать, что найдется хотя нѣсколько десятковъ изъ нихъ, особенно будущіе историки Россіи, которые задумаются серьезно при чтеніи этой книги надъ судьбами науки русской исторіи; а можетъ быть, при этомъ въ нихъ сильнѣе вспыхнетъ русскимъ свѣтомъ та искорка, которая на всю жизнь ставитъ человѣка выше всякой грязи, практической и теоретической, и яснѣе обозначится талантливо подмѣченная русскимъ лѣтописцемъ по истинѣ русская черта въ Мстиславѣ Храбромъ, — „всегда бо тѣсняшется на великая дѣла“, конечно, для блага родины, о которой лѣтописецъ тутъ думалъ и говорилъ.

6

Цѣна 20 коп.

Руб.
АН